

RU

Кукла-оберег как симулякр русской традиции

Крапчунов Д. Е.

Аннотация. Исследование посвящено проблеме подмены аутентичного нематериального культурного наследия симулякром русской традиции на примере феномена «славянской куклы-оберега». В массовом сознании внедрялся и уже устойчиво закреплён образ безликой куклы, выполняющей сакральную охранную функцию, что противоречит этнографическим данным, музейным коллекциям и полевым материалам. Выявленное противоречие может быть рассмотрено в аспекте национальной безопасности как угроза ценностному ядру русской традиции. Подмена обусловлена кризисом идентичности и ростом спроса на суррогатные формы традиции. Цель исследования – показать, что конструкт «славянская кукла-оберег» с безликостью как обязательным атрибутом является симулякром, не имеющим соответствия в традиционной культуре народов России. Его распространение представляет собой проявление традиционализма как идеологии, замещающей живую традицию и ее подлинные механизмы социализации и передачи ценностей. В работе установлено, что понятие «кукла-оберег» отсутствует в классических этнографических источниках и полевых записях; традиционные куклы разных народов (включая славянские) в подавляющем большинстве имеют проработанное лицо, что подтверждено музейными коллекциями, русской живописью XIX–XX вв. и авторскими полевыми исследованиями; обязательным актом создания куклы являлось её имянаречение, коррелирующее с библейской антропологией (Быт. 2:19). Научная новизна заключается в том, что безликая кукла впервые интерпретирована не как сакральный признак древности, а как «пустой знак» (симулякр в понимании Ж. Бодрийяра), технологически удобный для коммерциализации и маркировки продукта как «особого». В результате автор через различение традиции (передача ценностей через игру, эмпатию, диалог) и традиционализма (манипуляция магическим объектом) квалифицировал феномен «славянской куклы-оберега» как симулякр русской традиции, представляющий рискогенный фактор для национальной безопасности, поскольку в условиях кризиса идентичности он подрывает ценностные основания цивилизации, замещая подлинное нематериальное культурное наследие упрощёнными коммерциализированными формами.

EN

The protective doll as a simulacrum of Russian tradition

D. E. Krapchunov

Abstract. The study addresses the problem of replacing authentic intangible cultural heritage with a simulacrum of Russian tradition, using the phenomenon of the “Slavic protective doll” as a case study. In mass consciousness a faceless doll performing a sacral protective function has been implanted and firmly established, which contradicts ethnographic data, museum collections, and field materials. This revealed contradiction can be considered from the standpoint of national security as a threat to the value core of Russian tradition. The replacement is driven by an identity crisis and growing demand for surrogate forms of tradition. The aim of the study is to demonstrate that the construct “Slavic protective doll”, with facelessness as a mandatory attribute, is a simulacrum that has no counterpart in the traditional culture of the peoples of Russia. Its spread represents an expression of traditionalism as an ideology that substitutes living tradition and its genuine mechanisms of socialization and value transmission. The study shows that the notion of a “protective doll” is absent from classic ethnographic sources and field records; traditional dolls of various peoples (including Slavic) overwhelmingly possess modeled faces, as confirmed by museum collections, Russian painting of the 19th–20th centuries, and original field research; the act of naming the doll was an obligatory component of its creation, correlating with Biblical anthropology (Genesis 2:19). The scientific novelty lies in interpreting the faceless doll not as a sacral marker of antiquity but as an “empty sign” (a simulacrum in the sense of J. Baudrillard), technologically convenient for commercialization and for branding a product as “special”. As a result, by distinguishing tradition (transmission of values through play, empathy, dialogue) from traditionalism (manipulation via a magical object), the author qualifies

the “Slavic protective doll” phenomenon as a simulacrum of Russian tradition and as a risk factor for national security, since under conditions of identity crisis it undermines the civilizational value foundations by replacing authentic intangible cultural heritage with simplified commercialized forms.

Введение

Актуальность исследования продиктована кризисом идентичности, ростом спроса на «традиционные ценности» и появлением их упрощенных, коммерциализированных заменителей (симулякров), что создает риски для национальной безопасности, подменяя подлинное культурное наследие. Отправной точкой данного исследования стало осознание разрыва между устойчивым массовым представлением о «славянской обереговой кукле» и эмпирическими данными как результатом знакомства с музейными коллекциями, археологическими находками и собственной полевой работы автора. В общественном сознании, активно формируемом современными медиа, интернет-пространством и популярной литературой, закрепился устойчивый образ: традиционная славянская кукла – это обязательно «оберег», и столь же обязательно она не имеет лица. Безликость объясняется древними магическими представлениями: отсутствие лица не позволяет злым духам, конкретной личности, вселиться в куклу и через нее навредить человеку (Виноградова, Толстая, 2004; Шайдурова, 2015; Дайн, Дайн, 2007; Орлова, 2011; Берстенева, Догаева, 2010; Вдовиченко, 2019; Дмитриева, 2022; Оболенский, 2020; Секреты обережной куклы, 2026; Тряпичная кукла..., 2024; Шукова, 2016). Знакомство с коллекциями Музея археологии и этнографии Сибири (МАЭ), Российского этнографического музея (РЭМ) и публикациями, им посвященными (Малыгина, 1988; Колчина, 2009; 2014; 2022; Куклы и мир..., 2017), а также с археологическими находками скифо-сибирского мира (Археологическое собрание // Томский областной краеведческий музей. https://tomskmuseum.ru/fond/mus_collections/7/) обнаруживает несоответствие распространенного образа эмпирическим данным. Куклы народов Сибири, Поволжья, Русского Севера, зафиксированные в музейных коллекциях, в подавляющем большинстве очевидно имеют проработанное лицо. Дальнейшая экспедиционная работа автора совместно с народным мастером С. В. Липовка в Томской области и других регионах подтвердила несостоятельность распространенного стереотипа на полевом материале (Крапчунов, 2015; Куклы и мир..., 2017).

Актуальность исследования обусловлена тем, что обозначенная проблема выходит далеко за рамки истории игрушки. В условиях кризиса идентичности резко возрастает спрос на «традиционные ценности», что отражается на уровне законодательных инициатив и их реализации на всех уровнях государственной политики и широкой социальной практики (Об утверждении основ..., 2022; Гальскова, Орешкова, Шабанова и др., 2025; Гурьянова, Тимофеев, 2025; Дворяткина, Жук, Саввина и др., 2024; Кульбачевская, 2023; Меттини, 2024; Рабаданов, Омарова, Пирбудагова и др., 2025; Телин, 2023; Худякова, 2023). В свою очередь, запрос общества порождает предложение в виде упрощенных, коммерциализированных конструкторов, выдаваемых за «древнюю традицию» и ею же оправдываемых, обосновываемых.

Подобная подмена аутентичного нематериального культурного наследия симулякрами представляет угрозу для национальной безопасности, дезориентируя носителей культуры и размывая основания идентичности (Крапчунов, 2022; Гилл, 2024). Одновременно кукла как явление в современном обществе в последнее время значительно расширила свое присутствие и значение (Шуб, Чурикова, 2024; Морозов, 2011), что требует особого исследовательского внимания к этому феномену.

Задачи исследования:

- изучить массовый дискурс о «славянской кукле-обереге» и выявить его ключевые характеристики (безликость, сакральная охранная функция, древность) и основных агентов тиражирования этого дискурса;
- определить наличие / отсутствие понятий «кукла-оберег» и «обереговая кукла» в классических этнографических источниках, словарях (В. И. Даль), фундаментальных трудах и полевых записях XIX–XX вв., с привлечением материалов коллекций традиционных кукол в музеях РФ (Музей археологии и этнографии Сибири, Российский этнографический музей) и выявить наличие / отсутствие лица как значимого признака у игровых и обрядовых кукол разных народов;
- проверить на полевом материале (экспедиции в Томской области и других регионах) утверждение о «безличности» как норме традиционной славянской куклы, а также соотнести его с выявленной практикой именования куклы;
- проанализировать семантику лица и имени в традиционной культуре, включая корреляцию с библейской антропологией (Быт. 2:19), и объяснить, почему лицо и имя являются необходимыми для социализирующей функции куклы; через концепцию симулякра в понимании Ж. Бодрийяра отказаться от безличности как сакрального признака, по факту являющегося технологически удобным инструментом для коммерциализации и маркировки куклы как «особого» явления;
- определить различие живой традиции взаимодействия с куклой (передача ценностей через игру, эмпатию, диалог) и традиционализма как идеологии, конструирующей симулякры;
- квалифицировать феномен «куклы-оберега» как рискованный фактор для национальной безопасности в условиях кризиса идентичности.

Методология исследования базируется на герменевтике традиции, предложенной Х.-Г. Гадамером (Gadamer, 2004). В этом контексте традиция понимается как живой, непрерывный процесс передачи ценностно-

смыслового опыта. Вслед за Р. Геноном (Guénon, 2004), М. Элиаде (Eliade, 1959) и В. Ю. Быстровым (2001) ключевым методологическим принципом работы является феноменология традиции, а также различие живой традиции и традиционализма как идеологии, конструирующей симулякры прошлого (Гилл, 2024). Эти методологические принципы хорошо совместимы со структурно-семиотическим анализом, примененным И. А. Морозовым (2011) для исследования конкретных антропоморфных артефактов русской традиции. В рамках семиотизации феномена кукольного лица и практики имянаречения в работе применялись сравнительно-исторический анализ и метод «библейских тематических ключей» (Picchio, 1977; 1996), позволяющие успешно прочитывать культурные коды в их связи с письменной и устной христианской традицией, лежащей в основании русской цивилизации (Крапчунов, 2021; Крапчунов, Гилл, Тимонина, 2025; Гилл, 2025), исходя из типологии кукол, предложенной М. Л. Шуб и Т. Н. Чуриковой (2024) и их места в современном обществе, разделяемой другими исследователями (Мишина, 2011; Морозов, 2011; Колчина, 2009; Крапчунов, 2015).

Практическая значимость работы определяется её направленностью на выявление и преодоление подмены аутентичного нематериального культурного наследия симулякрами в медийном пространстве, сфере государственной культурной политики, образования и просвещения.

Основные результаты, имеющие практическое применение:

1. Эмпирически подтверждённое отсутствие традиции «безликой куклы-оберега» в культуре народов России (включая славянские) позволяет использовать полученные данные для корректировки содержания образовательных программ по «народной кукле» в учреждениях дополнительного образования, детских школах искусств, колледжах культуры; методических пособий и мастер-классов, ориентированных на широкую аудиторию; экспозиционной и просветительской работы музеев (этнографических, краеведческих, исторических).

2. Выявленные критерии аутентичной традиционной куклы (наличие проработанного лица, обязательное имянаречение, игровая и социализирующая функция, отсутствие магической «обереговой» семантики) могут быть использованы музейными работниками при атрибуции и каталогизации кукольных коллекций; экспертами при оценке подлинности объектов нематериального культурного наследия; педагогами при разработке критериев отбора содержания для занятий с детьми и молодёжью.

3. Различение живой традиции и традиционализма (как идеологии, конструирующей симулякры) может быть внедрено в систему повышения квалификации специалистов сферы культуры, образования и молодёжной политики; в методические рекомендации по противодействию фальсификациям истории и культуры; в практику экспертной оценки культурных проектов, претендующих на статус «традиционных».

4. Квалификация феномена «куклы-оберега» как рискогенного фактора для национальной безопасности даёт основание для включения данной проблематики в доктринальные и стратегические документы в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей (в развитие Указа Президента РФ № 809); в программы мониторинга угроз национальной безопасности в гуманитарной сфере; в аналитические записки для органов государственной власти, курирующих вопросы культурной политики.

Материалы исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов «Традиционная культура народов России», «Русская этнография», «Этнография детства», «Народная игрушка», «Культурное наследие и современные фальсификации» для вузов культуры, педагогических университетов, институтов повышения квалификации. Результаты могут быть внедрены в практику работы Российского этнографического музея, региональных краеведческих музеев при подготовке экспозиций и просветительских материалов о традиционной кукле. Предложенные критерии различения традиции и традиционализма могут быть использованы экспертными советами при оценке заявок на грантовую поддержку проектов в сфере народной культуры и креативных индустрий. Полевые материалы и выводы автора могут служить основой для подготовки методических рекомендаций «Как отличить подлинную народную куклу от симулякра» для педагогов, музейщиков и широкой аудитории.

Обсуждение и результаты

В общественном сознании на сегодня закрепились устойчивая связка: «кукла-оберег» или кукла «берегиня» + «без лица» + «древняя славянская традиция». Анализ этого дискурса позволяет выделить ключевых агентов, тиражирующих данный конструкт. Прежде всего, это обширный пласт научно-популярной и методической литературы последних двух десятилетий, авторы которой, зачастую являясь талантливыми мастерами-практиками, вольно обращаются с этнографическим материалом (Агаева, 2005; Дайн, Дайн, 2007; Берстенева, Догаева, 2010; Головачева, 2003; Орлова, 2011). В таких изданиях можно найти подробные схемы изготовления десятков видов кукол, каждому из которых присвоено название («Многоручка», «Кубышка», «Подорожница», «Берегиня», «Крупеничка», «Вербница», «Екатерина Санница», «Спиридон Солнцеворот», «Травница», «Желанница») и всегда приписана «обережная» функция: в каждой такой кукле живет идол-оберег и идол-жертва (Берстенева, Догаева, 2010; Елеонская, 1906). При этом ссылки на конкретные этнографические источники, экспедиционные записки или музейные коллекции, как правило, отсутствуют.

Особого внимания заслуживает фигура И. В. Агаевой, чье влияние на формирование современного облика «народной куклы» трудно переоценить. Ее авторские, бесшовные, легко тиражируемые куклы, созданные в начале 1990-х годов, благодаря своей простоте и эстетической привлекательности стали эталоном для подражания (Агаева, 2005). Сама мастер, будучи художником, четко разделяла собственное творчество

и этнографический материал. Однако участники ее многочисленных мастер-классов растиражировали упрощенные формы, окончательно закрепив в массовом сознании связку «кукла» = «оберег». Коммерциализация этого образа стала неизбежным следствием.

Справедливости ради нужно указать на то, что в научной литературе XX в., весьма уважаемыми исследователями, их учениками и последователями был задан некий эталон представления о мистико-эзотерическом мировоззрении наших предков, основанием верований которых является откровенный магизм (Елеонская, 1906; Пропп, 1946, с. 181-182; Бабаянц, 1977; Виноградова, Толстая, 2004; Стахурская, 2016), и мастера-кукольницы лишь на практике воспроизводили и пропагандировали восприятие кукол в заданном дискурсе понимания русской традиции.

Следует начать с поиска в традиционной крестьянской культуре понятия безлика «кукла-оберег», «обереговая кукла», прочно вошедшего сегодня в обиход наших современников благодаря научной и научно-популярной, методической литературе, образовательным проектам, государственным учреждениями культуры и образования, современным СМИ, утверждающим, что обереговые куклы «с давних пор были частью русской культуры» (Агаева, 2005; Берстенева, Догаева, 2010; Вдовиченко, 2019; Головачева, 2003; Дмитриева, 2022; Елеонская, 1906; Королькова, 2026; Котова, Котова, 2003; Куклу-оберег изготовить..., 2026; Славянские куклы-обереги, 2026; Оболенский, 2020; Проверено на себе..., 2024; Северная берегиня, 2020; Секреты обережной куклы, 2026; Сентемова, 2025; Славянская кукла-оберег..., 2022; Тряпичная кукла..., 2024; Шайдурова, 2015; Шукова, 2016).

Не только безлика кукла оберег, но и само понятие «оберег» и слово, его обозначающее, требуют проверки и уточнения смыслов при бытовании в живой традиции. Обращение к работам этнографов позапрошлого столетия (Забылин, 2003; Афанасьев, 1983), словарю В. И. Даля (1978) приводит к отрицательному ответу на поставленный вопрос. Результат всей жизни, фундаментальное исследование И. А. Морозова (2011), написанное на основе данных многолетних полевых исследований и широчайшего горизонта эрудиции в области сравнительной этнографии, не знает кукол-оберегов, обереговых кукол как явления вообще. Не упоминаются они в статьях и диссертации исследователя и практика М. А. Мишиной (2009; 2010; 2011), собирателя и систематизатора, работающего с коллекцией Российского этнографического музея, Е. В. Колчиной (2009; 2014; 2022). Другие коллеги, осмыслившие куклу как актуальный феномен культуры, публикуясь в авторитетных журналах, также не упоминают куклы-обереги (Шуб, Чурикова, 2024). На обращение автора к коллегам этнографам и фольклористам, их собирательской практике по куклам они отвечали, что в их экспедициях, полевом опыте носители традиции такими словами не оперировали.

Предположение о том, что причиной отсутствия кукол-оберегов может быть разрушение традиционной культуры, конкретно этого ее сегмента не оправдалось. Традиционные куклы если и ушли из живого бытования, то только в пассивную зону традиции, в воспоминание носителей. В 2009-2017 гг. при поддержке народного мастера С. В. Липовка были предприняты усилия по фиксации традиционных кукол и контекста их бытования на территории Томской области и некоторых других регионов. Бабушки 1919-1956 годов рождения на момент сбора полевого материала не только не использовали слово «оберег», но и с недоумением воспринимали вопрос о необходимости оставлять куклу без лица. Напротив, они фиксировали обратное правило: кукла должна иметь лицо и имя. Вопрос «А лицо рисовали?» вызывал у них встречный вопрос: «Ну что ж он, слепой будет что ли?» (Крапчунов, 2015).

Этимологический анализ подтверждает поздний характер понятия «оберег» в его сегодняшнем значении. В словаре В. И. Даля слово «оберег» представлено, но его семантика связана с глаголом «оберегать» – охранять, защищать. Однако в применении к куклам или в какой бы то ни было связи с ними этот термин у собирателя отсутствует (Даль, 1978). Еще более показателен анализ слова «берегиня». В академических изданиях по славянской мифологии оно раскрывается как название персонажа – русалки, существа опасного, хтонического, и возможно, не славянского, а греческого происхождения (Славянская мифология, 1995; Каталог..., 2017; Толстой, 1995, с. 155-156). Современная подмена, превращающая русалку, лихорадку или аналогичного злого персонажа в благую хранительницу домашнего очага, – яркий пример того, как мифологический образ выворачивается наизнанку, теряя исходную семантику.

С семиотической точки зрения, безлика работает как «пустой знак», как симулякр в понимании Ж. Бодрийяра (Baudrillard, 1994) – знак, не имеющий означаемого в реальности, но отсылающий лишь к другим знакам. При этом уважаемые авторы, методисты, собиратели, даже публикуя десятки этнографических образцов традиционной куклы с лицами, рассказывая, чем, как носители традиции рисовали, вышивали эти лица: «Традиционно лицо куклы рисовали углем из печки... Пользовались простыми, химическими и цветными карандашами, чернилами» (Дайн, Дайн, 2007, с. 22), – продолжают формировать мистико-эзотерическое понимание безликости как нормативности славянской куклы. «Условная человекоподобная фигурка когда-то выполняла магическую роль, служила оберегом. Изображение лица в кукле долго было в крестьянской среде под запретом. Безлика сохраняла куклу в целости, подобно упаковке. Смысл этой стойкой символики в кукольной традиции давно забыт» (Дайн, Дайн, 2007, с. 7-8). «Куклу наряжали, но лицо не рисовали. По народным поверьям, кукла без лица считалась недоступной для вселения в нее недобрых сил. А значит, и безвредной для ребенка. Такая кукла была и игрушкой, и оберегом»

Первые полевые сборы С. В. Липовка в Томской области поразили своими результатами. Не только вся кукольная семья, сделанная для нас Е. В. Лыско 1929 года рождения, что родом из села Верх Куендат, была с лицами (Крапчунов, 2015), но 31 из 37 первых кукол из полевых сборов были с детализированными лицами. Их делали бабушки – выходцы из разных регионов России: русские старожилы Сибири, воронежские переселенцы, татарские и чувашские бабушки, деревенского и городского происхождения, переселившиеся

в Сибирь с территории современной Беларуси и Украины. С лицами были куклы тряпичные (текстильные) самых разных технологий (зольные, бесшовные, сшивные, скрутки...), бумажные и даже глиняные. Оставшиеся шесть кукол из первых полевых сборов назвать безликими тоже нельзя. С одной стороны, нарисовать или вышить лицо куклам, сделанным из травы или из свеклы, мягко говоря, затруднительно. С другой стороны, часть «безликих» кукол как раз имели лицо в виде белого или, напротив, цветного лоскута, перекрестия ниток, которые подчеркивали кукольное лицо, пусть и не совпадающее с рациональными требованиями современной эстетики наличия рта, носа, глаз, бровей.

Однако сторонники обереговой безликой куклы как маркера традиционной древней славянской культуры списывали полученные результаты экспедиционной деятельности на то, что информанты, показавшие и рассказавшие о собранных куклах, рождены в 1919-1964 годах, соответственно, находятся под воздействием массовой культуры, телевидения, книг, художественных образов, примеров промышленно изготовленных игрушек. Нужно уточнить, что ни один из информантов не говорил при записи «кукольной истории», что придумали куклу сами. Полученные куклы, напротив, четко маркировались своим происхождением от предшествующих поколений: «от бабушки», «мамина», «тетя научила» и др. Как раз наоборот, бабушки не допускали вольности при изготовлении куклы, требуя соблюдения принципов и технологий, согласно тому, как их научили в свое время (Крапчунов, 2015). Таким образом, происхождение и бытование зафиксированных кукол удревняется минимум до середины – конца XIX в.

Для сохранения мифа о безликой кукле его сторонники формулируют новый тезис – в этнографической практике XX в. фиксируются игровые куклы, «обмирщенные» (Дайн, Дайн, 2007, с. 8, 20-21), а безликость – признак сакральности, присущей обрядовым куклам. Эта позиция не выдерживает критики при знакомстве с коллекциями многочисленных музеев России, частных, муниципальных, областных, федеральных. Коллекции большинства из них не только выложены в Госкаталоге РФ, но и представлены на сайтах, в соцсетях, в специальных проектах (Колчина, 2014; Каталог 2017).

Куклы из коллекции Музея археологии и этнографии народов Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета, которой посвящена работа А. А. Малыгиной (1988) «Куклы народов Сибири (по коллекциям МАЭ)» дают исчерпывающую картину в вопросе наличия или отсутствия лица у ритуальных и игровых кукол, сделанных в прошлом и позапрошлом столетиях народами с высокой сохранностью традиционной культуры. Коллекция включает кукол ненцев, хантов, манси, алтайцев, хакасов, долган, тофаларов, негидальцев, кетов, нганасанов, якутов, селькупов, эвенков, бурят, чукчей, коряков, эвенов, ульчей, нанайцев, тувинцев и других народов Сибири. Это преимущественно обрядовые, ритуальные куклы – домашние духи и божества, хотя есть и игровые. А. А. Малыгина (1988, с. 129-130) описывает только те 300 кукол, которые обозначены как детские, предназначены для игры и представляют не только кукол-женщин, но также мужчин и детей. Объединяет этих разнообразных по типу и назначению кукол одно: у подавляющего большинства кукол есть лицо.

Коллекция культовых предметов нанайцев поступила в МАЭС в конце XIX в. Среди них имеются антропоморфные идола, предназначенные для удачного промысла, – это изображения духов в полный рост. На лицах деревянных фигур выделяются надбровные дуги, глаза обозначаются небольшими углублениями, нос – вертикальная грань, щеки стесаны, подбородок клиновидный. Деревянные идола джули и хасачи обязательно находились в жилище. Перед каждым важным мероприятием, особенно перед началом промысла, им приносили жертву, опрыскивая водкой или кормя кашей. Тай-кан – родовой охотничий дух шорцев – поступил в музей из Горной Шории в начале XX в. На лицевой стороне верхнего овала биовальной деревянной фигуры обозначено лицо. Нередко борода, усы и брови таким куклам-хранителям делались из меха почитаемого родом животного. Юнг – семейный дух-покровитель васюганских хантов из дерева в текстильной одежде – был в каждой хантыйской семье. Лицо довольно подробно вырезано с обозначением рта, носа, скул. Глаза часто изображены цветными бусинами. Такой же технологией лицо создавали алэлу – домашнему духу-покровителю кетов. Телеутские тряпичные куклы русскими столетие назад назывались идолами. У народов Сибири зафиксированы куклы большие и маленькие, вырезанные из дерева и набивные из ткани или шкур животных, жестяные и каменные. У телеутов они были, как у алтайцев, якутов, шорцев и других тюркских народов, набивные (чучельные) и вырезанные из дерева (курмушек, курмыжек). Эмегендеры телеутов изображают мужчин, женщин и детей – целые семьи. Кукол-женщин телеуты обычно называют «катеринками», «катыками», «старушками». Куклы-мужчины известны под общим именем эр-кижи – «мужчина», «человек» (Малыгина, 1988).

Коллекция кукол Российского этнографического музея представлена в электронном каталоге и печатных публикациях Е. В. Колчиной. Исследователь полностью подтверждает на материале европейской части России наличие лиц у традиционных кукол разных народов. В работе, посвященной традиционной кукле коми, она задает методологически важные параметры анализа: материал, цветовое решение, пропорции (Колчина, 2009, с. 140). Ни в одном из этих параметров нет указания на «отсутствие лица» как на значимый признак. Напротив, анализ показывает, что детальная проработанность кукол коми имеет большое значение. Ребенка или подростка сравнивали с куклой как образцом красоты: «ладная, как куколка» или «хороша, точно куколка» (Колчина, 2009, с. 140).

Е. В. Колчина приходит к выводу: «Канонизированные представления об идеальном облике человека, закрепленные в архаичных кукольных образах, достаточно устойчивы и отражают этнические стереотипы в вопросах предпочтительности» (2009, с. 143). В книге «Кукла в народной традиции. Игра. Обряд. Коллекция» она обобщает опыт изучения кукол на огромном пространстве – от Восточной Европы до Дальнего Востока. Итог этого труда не оставляет сомнений: традиционная кукла – это «пробораз человека», создаваемый «по своему образу и подобию» (2022, с. 5).

Переход от создания домашних кукол к их артельному производству интересно проявился на примере деревянных кукол «панок» поморов Русского Севера. В коллекцию Российского этнографического музея они поступили в первые годы XX в. Их изготавливали для своих дочерей моряки, подолгу отсутствующие на промысле. И в таком виде они получили массовое производство в Архангельске для продажи горожанам, уже утратившим связь с традиционным укладом. Все панки – и женщины, и мужчины – в коллекции РЭМа или Музея декоративно-прикладного искусства имеют вырезанное лицо и на сегодня в полевой этнографии не зафиксировано ни одного примера их ритуального употребления, несмотря на голословные утверждения, делающие их домашним дохристианским идолом, стоящим в красном углу чуть ли не до середины XX в. наравне с иконами (Бабаянц, 1977).

Полевые исследования фиксируют важнейший элемент, завершающий создание куклы, – наречение имени. Как отмечает Светлана Липовка, информанты подчеркивали, что кукла без имени не считается «настоящей», с ней невозможно играть. Имя дается после того, как кукла сделана и нарисовано лицо (Крапчунов, 2015).

Исследования убедительно показывают, что кукла играет ключевую роль в онтогенезе, в процессе формирования личности ребенка (Морозов, 2011; Шуб, Чурикова, 2024). Именно через куклу ребенок впервые выстраивает диалог с «Другим», проецирует на нее эмоции, учится социальным ролям. Кукла с лицом – уже не просто предмет, а персонаж, партнер по коммуникации. На основе музейных коллекций и полевых данных Е. В. Колчина пишет: «...играли “в свадьбу”, “в праздник”, “в поездку на ярмарку / в магазин”, “в поход в гости / прием гостей”». «Куклы, предназначенные для игр “в свадьбу” и “в семью”, являются знаками определенных ситуаций, своеобразным “овеществленным текстом традиции”, соотносившимся с определенным сводом правил поведения и взаимоотношений между участниками социума в конкретных, наиболее важных жизненных ситуациях, в которых четко поделены мужские и женские роли», так «дети получали представление о существовании своеобразных идентификационных кодов (психосоматического и визуального) как составляющих идеального облика, выражающего этнически обусловленную предпочтительность через физические и социально-психологические стереотипы», повторяя и воспроизводя родительские паттерны (Колчина, 2009, с. 142, 143); см. также работу (Крапчунов, 2015).

Сегодня безликость стала главным, конституирующим признаком конструкта «славянская кукла-оберег». Отсутствие лица – самый простой, технологически легкий и при этом визуально наиболее заметный способ маркировать куклу как «не простую», как предмет «иной», «сакральный», выведенный из профанного мира обыденных игрушек.

Но в традиции имя и лицо неразрывны. Лицо создает визуальный образ, индивидуальность, проявление личности. Имя закрепляет эту индивидуальность в языке, делает возможным обращение, диалог. Кукла без лица и имени – не личность, а вещь. Она не может быть ни объектом любви и формирования эмпатии, ни инструментом передачи культурного кода. Даже ритуальные куклы-покровители, домашние духи народов Сибири имели имена, как эменгеры телеутов из коллекции МАЭС.

Имянаречение куклы как акт открывает глубокий герменевтический пласт, связывающий народную культуру с библейской антропологией. В книге Бытия: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт. 2:19).

Наречение имени – это акт установления связи, познания сущности и введения твари в мир человеческой культуры. Для русского крестьянина, мировоззрение которого формировалось под влиянием православия, этот библейский архетип был живой реальностью. Визуальные и вербальные коды христианской культуры, каковым является создание идеального человека – куклы с лицом и ее имянаречение, проецировались на самые разные сферы народной жизни (Крапчунов, 2021; Крапчунов, Гилл, Тимонина, 2025; Гилл, 2025).

Феномен «куклы-оберега» вписывается в широкий контекст, описываемый через понятия «традиционализм» и «кризис идентичности». Необходимо различать два модуса отношения к прошлому: живую традицию и сконструированную идеологию традиционализма. Как показано в работах Р. Генона (Guénon, 2004), традиция – это не совокупность внешних форм, а живая, непрерывная передача сакрального знания, имеющего метафизическую основу. Такой передачей опыта, мировоззрения многих поколений, традиционных ценностей семьи, материнства, детства, гостеприимства, соборности в русской культуре веками была традиционная кукла. Она формировала деятельностную основу традиции через визуальное воспроизведение родительских паттернов. М. Элиаде (Eliade, 1959) развивает это понимание, показывая, что жизнь в традиционном обществе строится как повторение архетипических действий, заданных «в начале времен». В таком понимании традиция есть способ приобщения к сакральному, к вневременному порядку.

В противовес этому в эпоху модерна возникает традиционализм как рефлексивная, идеологизированная попытка «вернуться» к истокам, сконструировать утраченную целостность (Гилл, 2024). Традиционализм избирателен и субъективен: он выбирает из прошлого привлекательные формы и абсолютизирует их. Традиционализм претендует на ценность, хотя механизмом сохранения и передачи ценностей является подменяемая им традиция (Гилл, 2024, с. 46).

Потребителю сегодня вместо традиции создания и передачи детям модели мира, образцов поведения в этом мире через игры в куклу предлагается формула: «нет лица – значит, это не игрушка, а древний оберег». Пустота интерпретируется как тайна, а тайна – как гарантия подлинности. По замечанию В. А. Мартиновича (2022, с. 16), подобные попытки «вспомнить», какой традиция могла бы быть ранее, приводят

не к реконструкции, приобщению к ценностям и шире к традиции, а к созданию принципиально новой традиции, не имеющей ничего общего с древним вариантом (Абраменкова, 2001). Так, через мир кукол-оберегов соотечественники приобщаются к мистико-эзотерической практике, миру неоязыческих символов, идей и смысловых конструкций (Мартинovich, 2022, с. 23).

Возникновение традиционализма связано с кризисом идентичности, описываемым через понятие «онтологической недостаточности». Человек – существо открытое, незавершенное, конституирующее себя через отношение к Другому (Гилл, 2024, 42-43). В эпоху глобализации чувство этой недостаточности усиливается. Человек ищет опору – и часто находит ее не в живой традиции, а в готовых продуктах традиционализма. Симулякр «куклы-оберега» идеально отвечает этому запросу, предлагая простую формулу причастности к «опыту предков» без погружения в сложный мир источников.

Подмена подлинной традиции симулякром имеет последствия для воспитания. Е. В. Колчина показывает, что кукла в традиционной культуре выполняла функцию трансляции «идеального / правильного визуального облика» человека и соционормативных установок (2009, с. 140-141). Девочка, получая куклу, усваивала представления о том, что такое «хорошо» и «правильно». Формула «красиво – значит правильно» работала как механизм передачи идеала (Колчина, 2009, с. 143; Абраменкова, 2001).

Когда на место традиционной куклы приходит безликий «оберег», ребенок не получает приобщения к ценностям. Если в традиции ребенок учился самоопределению в отношениях с Другим, при имянаречении куклы он относился к Другому, наделял его чертами характера, эмоциями, считывал их, то при взаимодействии с безликой «куклой-оберегом» происходит не развитие фантазии через творческое домысливание несуществующего лица, а контакт с безликим Ничем. Это идеальное воспитание члена общества потребления, где нет лиц, нет личности, а есть безликий потребитель, индивид. Отказывая ребенку в развитии эмпатии под видом развития фантазии, его замыкают на самом себе и своих мыслях о мире без их соотнесения с окружающей реальностью.

Более того, куклы-обереги авторского происхождения вообще не предназначаются для детей. Это «сувенир», домашний «оберег», товар для помещения в доме – вещь с магической функцией. С замещением традиции ее симулякром в виде куклы-оберега диалог с «Другим» замещается манипуляциями с объектом. Это антропологическая инверсия, подрывающая механизмы социализации, описанные И. А. Морозовым (2011) и подтвержденные полевыми материалами Е. В. Колчиной (2022).

Понимание куклы как феномена культуры требует обращения к той традиции, которая ее породила. В противном случае мы имеем дело с рынком и услугой по производству и продаже замещения приобщения к ценностям через получение магического объекта. Без способности отличать подлинное от сконструированного возникает риск утраты связи с прошлым, необходимой для устойчивого развития. Без традиции в мире традиционализма грядет утрата историко-культурного наследия многих поколений, передававших ценностное отношение и мировоззрение; в таком случае мы рискуем остаться с симулякрами в виде кукол-оберегов (Крапчунов, 2022; Гилл, 2024).

Заключение

Проведённое исследование выявляет принципиальное расхождение между устойчивым массовым образом «славянской куклы-оберега» (безликой, сакрально-защитной, глубоко архаичной) и эмпирической реальностью традиционной культуры народов России. Этнографические источники, музейные коллекции и полевые материалы не фиксируют ни самого понятия «кукла-оберег», ни нормы безликости как сакрального признака. Напротив, традиционная кукла повсеместно обладает лицом и получает имя – условия, необходимые для диалога, эмпатии, социализации и трансляции ценностных паттернов через игру.

Безликость оказывается не древним табуированным знаком, а «пустым знаком» (симулякром), технологически удобным для коммерциализации и маркировки сувенирной продукции как «особой», «традиционной», «обереговой». Возникновение и тиражирование этого конструкта обусловлено не преемственностью живой традиции, а логикой традиционализма – идеологии, которая в условиях кризиса идентичности подменяет подлинные механизмы передачи культурного опыта (игру, диалог, воспитание) манипуляцией с магическим объектом.

Феномен «куклы-оберега» представляет собой не безобидное заблуждение, а рискованный фактор национальной безопасности. Замещая аутентичное нематериальное культурное наследие симулякром, он дезориентирует носителей культуры, размывает ценностные основания идентичности и подрывает возможности традиционной куклы как инструмента формирования личности, эмпатии и межпоколенной связи. Различение живой традиции и традиционализма, предложенное в работе, может служить методологической основой для экспертизы культурных проектов, корректировки образовательных и просветительских программ, а также для выработки мер по сохранению подлинного наследия в противовес его коммерциализированным подменам.

Проведённое исследование открывает несколько направлений для дальнейшей научной и прикладной работы. В статье использованы материалы преимущественно Томской области и ряда других регионов. Перспективным представляется целенаправленный сбор и сопоставление уже имеющихся полевых данных о традиционных куклах в тех регионах России, где сохранность аутентичной культуры выше (отдалённые районы Русского Севера, Сибири, Поволжья), с фиксацией не только технологии изготовления, но и вербального контекста (названия кукол, обряды имянаречения, игровые практики, отношение к «лицу»).

Исследование открывает путь для широкого применения сравнительного анализа симулякров в других сегментах нематериального культурного наследия. Феномен подмены аутентичной традиции коммерциализованными конструктами не ограничивается куклой. Перспективно исследовать аналогичные механизмы конструирования «древних славянских» практик в других областях: наряд и одежда, «родовые обереги», «славянские руны», «языческие» праздники (включая Масленицу и Иван Купала), неоязыческие реконструкции праздников и обрядов. Это позволит выявить общие закономерности порождения и тиражирования культурных симулякров.

Следующим этапом может стать разработка критериев и методик экспертизы объектов традиционной культуры или выдаваемых за «традиционные». На основе различия живой традиции и традиционализма возможно создание практико-ориентированного инструментария для музейных работников, педагогов, экспертных советов и грантодателей, позволяющего отделять подлинное нематериальное культурное наследие от его симулякров. Перспективным направлением является создание аналитического отчёта или методического пособия с конкретными маркерами (например, наличие / отсутствие лица у куклы, наличие / отсутствие термина «оберег» в лексике носителей).

В статье обозначен тезис о том, что игра с безликой куклой не формирует эмпатию и диалогическое мышление, в отличие от куклы с лицом. Этот тезис требует эмпирической верификации, психолого-педагогического исследования последствий замещения традиционной куклы безликим оберегом. Перспективно проведение экспериментальных исследований с участием детей дошкольного и младшего школьного возраста, сравнивающих развитие эмоционального интеллекта, навыков социального взаимодействия и идентификации в группах, играющих с аутентичными (или реконструированными по традиционным образцам) куклами с лицом и с коммерческими «куклами-оберегами».

В статье кратко затронут семантический переворот, превративший русалку / лихорадку (опасное хтоническое существо) в «хранительницу домашнего очага». Перспективным является углублённое изучение этого концепта – от славянских древностей до современных неоязыческих реинтерпретаций – как показательного случая идеологической инверсии культурного кода, например, историко-герменевтическое исследование трансформации понятия «берегиня».

Поскольку подмена подлинного наследия симулякрами создаёт риски для национальной безопасности, перспективным является систематический анализ программ, проектов и мероприятий, финансируемых из бюджетов разных уровней под видом «возрождения народных традиций». Цель такой работы – выявление масштабов распространения симулякров и выработка рекомендаций для органов власти по критериям отбора подлинных практик, мониторинг государственной культурной политики в сфере «традиционных ценностей» и их проявленности в традиции и современных практиках.

Актуальным является создание открытой базы данных аутентичных традиционных кукол с фотофиксацией, описанием технологии, контекста бытования и обязательной характеристикой «наличие / отсутствие лица» и «способ имянаречения». Такая база может быть размещена на платформе Российского этнографического музея, иных учреждений, в Каталоге нематериального культурного наследия и служить референсным ресурсом для педагогов, музейщиков, мастеров и всех интересующихся подлинной народной культурой.

Материалы исследования | Research materials

1. Археологическое собрание // Томский областной краеведческий музей. https://tomskmuseum.ru/fond/mus_collections/7/
2. Афанасьев А. Н. Древо жизни: избранные статьи. М.: Современник, 1983.
3. Берстенева Е. В., Догаева Н. В. Кукольный сундучок. Традиционная народная кукла своими руками. М.: Белый город, 2010.
4. Вдовиченко С. В. Русская народная кукла: доклад. Моздок: Моздокская ДХШ, 2019. https://mdhsh.aln.muz-kult.ru/media/2020/02/28/1253567674/Doklad_Russkaya_narodnaya_kukla.pdf
5. Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Кукла // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978. Т. 2.
7. Дмитриева Н. В. Кукла-оберег: хранитель от злых духов и волшебный помощник в делах. Славгород: Славгородский городской краеведческий музей, 2022.
8. Елеонская Е. Н. Сказка о Василисе Прекрасной и группа однородных с нею сказок // Этнографическое обозрение. 1906. № 3/4.
9. Забылин М. Русский народ: его обычаи, предания, обряды. М.: Эксмо, 2003.
10. Королькова В. Обрядовые куклы // Живая нить традиций. Владимирская область. 2026. 22 февраля. <https://traditions33.ru/crafts-trades/obryadovye-kukly/about/>
11. Куклу-оберег изготовить к Масленице приглашают жителей и гостей Ставрополя // Вечерний Ставрополь. 2026. 12 февраля. <https://vechorka.ru/news/society/kuklu-obereg-izgotovit-k-maslenicze-priglasayut-zhitelej-i-gostej-stavropolya>
12. Куклы и мир: рукотворное человечество: проект виртуального каталога кукол России. 2017. https://vk.com/album-108266533_238848518

13. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>
14. Оболенский К. Традиционная тряпичная кукла: история и мастер-класс по изготовлению // Пульс Хакасии. 2020. 25 июля. <https://pulse19.ru/59723-tradicionnaja-trjapichnaja-kukla-istorija-i-master-klass-po-izgotovleniju/>
15. Проверено на себе. Куклы-обереги // ГТРК «Вятка». 2024. 24 июля. <https://www.gtrk-vyatka.ru/proect/psebe/98658-provereno-na-sebe-kukly-oberegi-24072024.html>
16. Северная берегиня // Карельское Поморье: краеведческий портал. 2020. 7 августа. <https://pomorski-bereg.ru/severnaya-bereginya/>
17. Секреты бережной куклы // Камские зори: Добрянский округ. 2026. 22 января. https://vk.com/@kamskie_dbr-sekrety-oberezhnoi-kukly
18. Сентемова Е. Подростки из ижевской ВК изготовили 20 кукол-оберегов для участников СВО // ИА Сусанин. 2025. 11 апреля. <https://susanin.news/udmurtia/society/20250411-325778/>
19. Славянская кукла-оберег «на здоровье» // Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Московского района. 2022. 8 февраля. <https://цсриди.рф/novosti/slavyanskaya-kukla-obereg-na-zdorove/>
20. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995.
21. Славянские куклы-обереги // Дворец творчества детей и молодёжи Ковровского района. 2026. <https://t152321.dop.obrazovanie33.ru/news/3801-slavyanskije-kukly-oberegi/>
22. Толстой Н. И. Берегиня // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1.
23. Тряпичная кукла – загадочный символ России // Администрация городского округа Торез. 2024. 21 ноября. https://torez24.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_1553.html
24. Шукова И. Творческий проект «Куклы обереги в истории России» // Образовательный портал «Продленка». 2016. 7 мая. <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/203329-tvorcheskij-proekt-kukly-oberegi-v-istorii-ro>

Источники | References

1. Абраменкова В. В. Игры и игрушки наших детей: забава или пагуба?: современный ребенок в «игровой цивилизации». М.: Даниловский благовестник, 2001.
2. Агаева И. В. Традиционные куклы раннего детства Тульской губернии // Музей и нематериальное культурное наследие: сборник трудов Творческой лаборатории «Музейная педагогика» Кафедры музейного дела / сост. И. М. Коссова. М.: ИККАР, 2005. Вып. 6.
3. Бабаянц Г. Н. Поморские куклы «панки» // Этнография народов Восточной Европы: сборник статей. Л.: Издательство Географического общества СССР, 1977.
4. Быстров В. Ю. Человек в мире традиций. Великий Новгород: НовГУ, 2001.
5. Гальскова Н. Д., Орешкова Н. Л., Шабанова В. П., Ефимова О. Г. Аксиологический аспект содержания подготовки учителя иностранных языков как медиатора поликультурного пространства // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517.
6. Гилл Е. В. Дорога, ведущая к храму, как культурно-смысловой паттерн в иеротопии русских городов // Визуальная теология. 2025. Т. 7. № 2. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2025-7-2-312-328>
7. Гилл Е. В. Традиционализм и онтологическая недостаточность человека // Logos et Praxis. 2024. Т. 23. № 2. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.5>
8. Головачева Р. М. Обрядовые куклы. Куклы-обереги. Калуга: Типограф, 2003.
9. Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. Традиционные ценности: концепция, подходы, идеологемы // Современные философские исследования. 2025. № 2. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-75-85>
10. Дайн Г., Дайн М. Русская тряпичная кукла: культура, традиции, технология. М.: Культура и традиции, 2007.
11. Дворяткина С. Н., Жук Л. В., Саввина О. А., Черноусова Н. В. Методологические трудности проектирования духовно-нравственного воспитания в современном математическом образовании в России // Перспективы науки и образования. 2024. Т. 5. № 71. <https://doi.org/10.32744/pse.2024.5.12>
12. Колчина Е. В. Кукла в народной традиции. Игра. Обряд. Коллекция. М.: Северный паломник, 2022.
13. Колчина Е. В. Отражение представлений об идеальном облике человека в традиционной кукле коми (на материале коллекции РЭМ) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 4.
14. Колчина Е. В. Традиционная кукла народов Поволжья и Приуралья в коллекциях Российского этнографического музея. СПб.: РЭМ, 2014.
15. Котова И. Н., Котова А. С. Русские обряды и традиции. Народная кукла. СПб.: Паритет, 2003.
16. Крапчунов Д. Е. «Окно» кукольного игрового комплекса села Верх Куендат Первомайского района Томской области // Молодой ученый. 2015. № 12 (92).
17. Крапчунов Д. Е. Визуальные проекции почитания сорока Севастийских мучеников в праздничной обрядности русской традиционной культуры // Визуальная теология. 2021. Т. 1. № 4. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2021-1-60-84>
18. Крапчунов Д. Е. Практики конструирования этнокультурной идентичности русского народа: от возникновения русской традиции и государственности к современным фальсификациям // Ортодоксия. 2022. № 3. <https://doi.org/10.53822/2712-9276-2022-3-175-198>

19. Крапчунов Д. Е., Гилл Е. В., Тимонина О. Ю. Репрезентация христианского символа в практике брендинга современного города на примере Великого Новгорода // Общество: философия, история, культура. 2025. № 5. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.5.33>
20. Кульбачевская О. В. Патриотизм молодежи как стратегический ресурс развития России: потенциал, вызовы, риски // Вестник антропологии. 2023. № 4. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-4/20-36>
21. Малыгина А. А. Куклы народов Сибири (по коллекциям МАЭ) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, 1988. Т. 42.
22. Мартинович В. А. Многообразие и границы неоязычества в современном мире // Ортодоксия. 2022. № 3. <https://doi.org/10.53822/2712-9276-2022-3-12-40>
23. Меттини Э. Духовный приоритет в формировании российского образовательного пространства: интеграция Указа № 809 Президента РФ и педагогической теории А. С. Макаренко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2024. Т. 7. № 190.
24. Мишина М. А. Кукла как предмет культуры: к постановке проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. № 4.
25. Мишина М. А. О знаковой природе и семиотическом статусе традиционной куклы // Общество. Среда. Развитие. 2010. Т. 1. № 14.
26. Мишина М. А. Формы бытования традиционной куклы в культурном пространстве постиндустриального общества России: дисс. ... к. культ. СПб., 2011.
27. Морозов И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре. Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. М.: Индрик, 2011.
28. Орлова Л. С. Куклы и люди. О ярославских, архангельских и русских северных куклах из коллекции Л. Орловой и А. Найдена. К.: Стилос, 2011.
29. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1946.
30. Рабаданов М. Х., Омарова Н. О., Пирбудагова Д. Ш., Омарова М. А. Духовно-нравственное воспитание в поликультурной и многоконфессиональной среде молодежи СПО // Юг России: экология, развитие. 2025. Т. 20. № 3. <https://doi.org/10.18470/1992-1098-2025-3-15>
31. Стахурская А. В. Традиционная кукла-мотанка в культурах восточнославянских народов // Гуманитарные науки в XXI веке. 2016. № 6.
32. Телин К. Не ближний прицел // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3 (121). <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-3-68-76>
33. Худякова Н. Л. Традиционные ценности как основа воспитания в современном быстро меняющемся обществе // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 4 (474). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2023-474-4-91-101>
34. Шайдурова Н. В. Традиционная тряпичная кукла. СПб.: Детство-Пресс, 2015.
35. Шуб М. Л., Чурикова Т. Н. Кукла как феномен культуры: актуализация и теоретико-методологическое осмысление проблемы // Вестник культуры и искусств. 2024. № 2 (78).
36. Baudrillard J. Simulacra and Simulation / transl. by Sh. F. Glaser. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. <https://doi.org/10.3998/mpub.9904>
37. Eliade M. The Sacred and the Profane: The Nature of Religion. N. Y.: Harcourt; Brace & World, 1959.
38. Gadamer H.-G. Truth and Method. L.: Continuum, 2004.
39. Guénon R. The Crisis of the Modern World. Hillsdale – N. Y.: Sophia Perennis, 2004.
40. Picchio R. Studies on the Literary Tradition of Medieval Orthodox Slavdom. Cambridge: Harvard Ukrainian Research Institute, Harvard University Press, 1996.
41. Picchio R. The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of “Slavia Orthodoxa” // Slavica Hierosolymitana. 1977. Vol. 1.

Информация об авторах | Author information

Крапчунов Даниил Евгеньевич¹, к. филос. н., доц.

¹ Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Daniil Evgenjevich Krapchunov¹, PhD

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow

¹ krapchunovd@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.04.2026; опубликовано online (published online): 03.06.2026.

Ключевые слова (keywords): славянская кукла-оберег; симулякр русской традиции; национальная безопасность; кризис идентичности; нематериальное культурное наследие; безликая кукла; Slavic protective doll; simulacrum of Russian tradition; national security; identity crisis; intangible cultural heritage; faceless doll.